

Мария Метлицкая

Месть

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Метлицкая М.

Месть / М. Метлицкая — «Эксмо», 2016

«Верка ревела. Ревела громко, с надрывом. Жалко ее было ужасно! Вот ведь трагедия – отец ушел из семьи. А семья была замечательная! Можно сказать, показательная семья. Но – была...»

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2016
© Эксмо, 2016

Мария Метлицкая

Месть

Верка ревела. Ревела громко, с надрывом. Жалко ее было ужасно! Вот ведь трагедия – отец ушел из семьи. А семья была замечательная! Можно сказать, показательная семья. Но – была...

Зимой Стрешневы ходили на лыжах – садились на электричку и ехали в лес. Были тогда поезда «Здоровья» – хорошая штука! В воскресенье, на перроне Белорусского вокзала, собирались спортивные семьи. Поезд «Здоровья» отвозил их на какую-нибудь недалекую станцию, и все лыжники дружной гурьбой вываливались из вагона. Бежали в лес – прекрасный, зимний, с множеством рыжих белок, густых елей, обсыпанных снегом. А вечером, часов в пять, поезд народ забирал.

С собой брали рюкзаки с бутербродами и термосы – перекусить на привале. Точнее, на пенке.

Меня тоже прихватывали, и мама моя была счастлива: неспортивная дочь целый день на природе, на морозном здоровом воздухе.

Летом Веркина семья уезжала в деревню, причем своего дома у Стрешневых не было. Просто садились в поезд и ехали, куда глядят глаза. Выходили на симпатичном полустанке и шли по разбитой и пыльной дороге в деревню. Снимали у незнакомой бабули сарай или комнату и жили себе припеваючи месяц. Так и называли это мероприятие – «Месяц в деревне».

Бегали на речку, ловили рыбу, купались, собирали грибы, сушили их на хозяйской печке и снова были счастливы. Ходили и в байдарочные походы – Карелия, Судогда, Сура, Чусовая. Жили в палатках, пели под гитару бардовские песни. На гитаре играл Веркин отец.

Я им немного завидовала: мои родители не ходили в походы, не жили в палатках, не уезжали в глухую деревню. Мама любила комфорт и горячую воду. Наши отпуска проходили в пансионатах, санаториях и в гостиницах Ялты и Сочи.

Но случилось, что Веркин отец загулял... Точнее так: Веркин отец влюбился. Загулять он не мог – совесть не позволяла. А вот влюбиться способны и совестливые.

Он ушел, объявив жене Тане, Веркиной матери, что полюбил. Обманывать ее больше не в силах, потому, что это нечестно. И ТУ женщину, новую любовь, тоже не может обманывать, потому что любит ее и все такое.

И Веркина мать, тетя Таня, слегла. Просто легла на кровать и не вставала. Лежала с открытыми глазами и, не мигая, смотрела в потолок. Который, кстати, совсем недавно побелил ее неверный, коварный муж.

Тетя Таня была похожа на мумию: застывшая маска лица, и никакого движения. Она не ела, не пила и не ходила в туалет. В общем, она умирала. Лицо ее пожелтело, нос заострился. Кошмарное зрелище...

Верка трясла ее за плечи, поливала холодной водой и рыдала, рыдала...

Слушать это было невыносимо: «Мамочка! Не оставляй меня! Я тебя умоляю!»

Тетя Таня пролежала пять дней и ночей. А потом вдруг встала и пошла в ванную. Открыла кран, набрала полную ванну воды, побросала туда все грязное белье, которое накопилось, и, сев на край ванны, начала его ожесточенно стирать.

Верка была в абсолютной панике, кричала мне в трубку: «Что делать? Что делать?»

Может, вызвать „Скорую помощь“?»

Я не знала, что делать. Разбудила маму и рассказала все ей. Мама вздохнула. Никакой «Скорой помощи»! Ее заберут в психушку и припаяют диагноз! Заколют страшным галлопериолом, и Веркина мать превратится в овощ. Надо подождать – снова вздохнула мама. Может, отпустит? Может, так и начало отпускать?

А тетя Таня все полоскала белье...

Вот тогда Верка решилась. Отомстить ТОЙ и вернуть блудного и нерадивого, неверного своего отца.

План ее был таков: гадину ТУ отравить. Просто сжить со света, и все! Извести!

– Я буду мстить! – торжественно объявила она.

И я ей поверила.

– А как извести? – не поняла я.

Слово это было какое-то... старческое и деревенское. Очень страшное слово!

Я испугалась. А Верка, похоже, что нет. Глаза ее горели неистовым огнем мщения, тоски и боли. И еще невыносимой обидой и тревогой за мать.

– Изведу, изведу, – шептала она иступленно.

– Да как? – снова спросила я. – Как изведешь?

Мне было страшно.

– Да отравлю, – небрежно бросила Верка.

– А может быть... – она на секунду задумалась, – покалечу.

Голос, которым произнесла она эти дикие и страшные слова, был абсолютно спокойным и даже ленивым.

– Ты со мной или как? – вдруг жестко спросила она и уставилась на меня не мигая.

Мне стало еще страшнее и еще тоскливее. Бросить Верку в беде? Нет, невозможно! А участвовать в этом вот деле возможно?

Я что-то забормотала по поводу наказания и тюрьмы, а Верка спокойно отрезала:

– Нас никто не посадит! Потому, что мы – не-со-вер-шен-но-летние!

Это было как-то не очень убедительно... Тут меня осенило:

– А колонии для малолетних преступников?

Верка посмотрела на меня холодно и жестко, словно оценивая – что, испугалась?

Я пожала плечами.

– Значит, оставить все так? – грозно спросила она. – Пусть он будет счастлив, а мама моя погибает? Погибает, стирая белье? У нее уже все пальцы в кровь стерты! А где справедливость? Нет, ты мне ответь?

Ответить тогда мне было нечего. Про божью кару нам не рассказывали – время было атеистическое.

Про высшую справедливость, в общем, тоже. Родители мои были людьми неверующими.

Да и сейчас, когда жизнь перевалила за середину, в божью кару и высшую справедливость я верю не очень...

В общем, дилемма. Бросать друга в беде? Нас учили другому. Садиться в колонию тоже как-то не очень хотелось...

Но я была пионеркой и почти комсомолкой! Было нам с Веркой по тринадцать лет. Самый дурацкий, самый глупый, самый жестокий, безмозглый и бестолковый возраст! Не хотелось бы и вспоминать, если честно...

Но вот придется...

Я, тяжело вздыхая, кивнула. Верка оживилась и начала излагать. Планов, собственно, было несколько. Первый – подкараулить злодейку и облить ее серной кислотой. Короче, изуродовать эту дрянь навсегда! Второй – отравить.

– Понимаешь, – зашептала Верка, – лучше все-таки отравить! Если только изуродуем – папаша мой жалостливый! Не бросит ее, понимаешь? И не уйдет!

– Отравить! Боже мой, чем? Как отравить? Насовсем?

Верка презрительно хмыкнула.

– «Насовсем»! Насовсем и навсегда! – грубо отрезала она. Ну, не наполовину же!

– А... как? – осторожно спросила я. – В смысле – чем?

– Ну, тут надо подумать, – задумалась Верка. – Что-то из ядов.

Причем она снова оживилась, и глаза ее полыхнули адским огнем:

– Чтобы не сразу! Чтоб мучилась, стерва!

– Вер! – жалобно заныла я. – Где мы найдем такой яд? Ты что, сдурела? И как мы его... ну, подсыплем?

– Ну, – Верка хохотнула дьявольским смехом, – подсыпать – дело нехитрое! Придем к ней в гости, и тю-тю, моя птичка! Желаю тебя, – Верка прищурила глаза, – предать смерти тяжелой и долгой!

«Боже, вот ужас! – подумала я. – И Верка, и тетя Таня... Все – сумасшедшие!»

А Верка тем временем приступила к активным действиям и все же, для начала, решила изуродовать «эту гадину» – облить серной кислотой. Хотя сомневалась – отец ее был человеком жалостливым, как мы уже говорили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.